

БОЯШЬ

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

Ч. 9.

Львѣвъ, 1. Червня

1867.

Ошибка на ошибку.

Повѣсть С. Мешелѣ.

I.

ПАНЪ СОХА.

(Дальше.)

Не потрафила пана Соху успати нѣжная вонь цвѣтовъ, не змогло его вколысати легонькое вѣянье зефира, онъ перевертнулся неспокойно на софѣ що хвиля, и дармо старался уснути.

Прижмурить очи неразъ насильно — та щожь? и тое ничего не змагае: якъ стой приплыне ему то его плянь, то снова яка противная пляну гадка на умъ, сотхне ино, ахне тай снова обертається на иншу сторону. —

— Теперь уже панъ Соха не брался до сна, бо уже — здається — было ему того годъ забагати; думаетъ лишь та думаетъ, а чѣмъ тревожнѣйши гадки переходять ему по головѣ.

На остатокъ пригадалъ онъ собѣ теперь и на покойного отца Зенѣ, на тую послѣдну хвилю життя его, на тую хвилю, въ котрой онъ ему опѣкунство своей Зенѣ препоручалъ — пригадалъ собѣ все тое: а се было найважнѣйшою причиною его неспокою. —

Теперь прійшли пану Сосѣ на гадку слова покойного отца Зенѣ, — слова, котры тойже на смертной постели вырекъ: „Пане Юсифе” — говорилъ тогда отецъ Зенѣ со слезами — „хвилѣ мои уже почислены, а видите, що не осягнулъ я ще того, що у мене было найважнѣйшимъ, — не отдалъ я еще Зенѣ въ руки людей добрыхъ; — еще хвилька, а попрощаюсь я съ нею — съ единымъ моимъ скарбомъ на свѣтѣ, — попрощаюсь я съ нею не доживши той щасливой хвилѣ, котра бы долю моей дорогой Зенѣ могла запевнити — она станется безпріютна якъ тая птичка безъ гнѣздочка, якъ тая былина у чистомъ поли . . . Комужь я оставлю мою Зеню? мае она вправдѣ свояковъ: есть одинъ дядко и другій — але щожь? они мають свои родини, тай не будутъ могли занятися щиро моею Зенею. — Отъ пане Юсифе, вы

былисте моимъ сосѣдомъ и пріателемъ будьте теперь и отцемъ моей Зенѣ — займѣтся цѣю щиро — щиро пане Юсифе! — се мое послѣдное слово.” —

Цѣлу тую бесѣду предсмертну покойного отца Зенѣ пригадалъ собѣ панъ Соха; кромѣ того прійшли ему теперь всѣ тѣ промовы про Зеню, котры покойный отецъ съ нимъ було неразъ провадилъ; тогда-то изъявлялъ онъ пану Сосѣ неразъ, що не бажае для своей дѣтины мастку, але людей добрыхъ; „мастку,” говорилъ онъ, „Зеня моя не потребуе, она мае его досыть, благодарити Бога, але тра для ней доброго сердца — такого якъ и ей сердце.” —

Всѣ тѣ споминки переслѣдовали теперь немилосердно пана Соху: онъ припомнулъ собѣ на тую ширость, о котру его умераячій отецъ Зенѣ просилъ со слезами, и поглянулъ на дѣйствительность, на свои пляны, на свое обходженьесе съ Зенею: вся его подлость станула ему теперь передъ очима, кривда сиротска вопіюща до неба, стояла казалоса ему теперь передъ его лицомъ . . . онъ сорвался якъ опареный съ кананы, выбѣгъ съ бесѣдки и сталъ неспокойно прохоживатися по променадѣ.

— Клопотъ мене допытался съ тою Зенею та съ тымъ ей Мильомъ, тай только! — воркотѣлъ теперь злосливо панъ Соха — але то все ничего непоможе: я маю мой плянь, а отъ перепровадження того недамъ я ничимъ отстрашитися . . . Ширость? — ширость! ха, ха, ха! — що нынѣ ширость на свѣтѣ поплачуе? нынѣ той панъ, кто добре крутитъ . . . а чемужь бымъ я не малъ собѣ такъ поступовати, крутити, коли я маю до того способность — я опѣкуномъ Зенѣ! ха, ха, ха! — Правда, що покойный отецъ Зенѣ неразъ за своего життя згадовалъ, що Зеня мае мастокъ, що она не потребуе выйти замужъ за маетного, только за доброго человекъ . . . Добра то бесѣда . . . але я маю свой плянь . . . а вконецъ где вже гроши Зенѣ?! Що тамъ буду уважати на тое, що говорилъ покойный отецъ Зенѣ — онъ свое говорилъ, а я свое буду робити — я опѣкунъ, тай квата! — Такъ роздумуючи прохоживался панъ Соха еще все по-

межь огородовы алей неспокойно, ино часами перерываючи проходь свой короткими павзами, котры якимсь новымь роздумованьемь посвящаль.

— Еть! що я буду собѣ голову клопотати бездѣлицю — озвался онъ послѣ съ злосливымь усмѣхомь, сближаючи до цвѣточного огорода — чи я не пань Соха? чи я не опѣкунь, не маю власти розказати? — Розкажу, и должно быти такъ, якъ я схочу! —

По той короткой бесѣдѣ добыль снова свѣжій кабаносъ, шарнулъ сѣрникомь, закурилъ тай прохживается по городци, привдялячи цвѣтамъ.

— Гарны цвѣты, — ани слова! — каже по хвили пань Соха — видко, що и Зеня мае не ледаякій вкусъ, коли такъ хорошо городецъ устроити постаралася... ти левкои а ти бальсамины такъ суть гарно умѣщены помежь прочими цвѣтами, що справедливо и слова противъ тому сказати не можно; — або тамтій группы цвѣткови? якъ чудесно отбивають они въ цѣлости огорода! — Они суть въ огорода справдѣ тѣмъ, чимъ пріятно-звучны акорды въ оперѣ! — О гарно, гарно казала собѣ Зеня свой огородецъ украсити — видко, що и она мае родъ шляхетского вкуса... то ино бѣда, що троха уперта та за тымъ панкомъ доробкевичомъ Мильомъ шалѣе, презираючи такимъ паномъ шляхтичемъ, якъ есть пань Станиславъ Бѣгосъ! О то великій нерозумъ зъ ей стороны, . . . На тое я не допущу — николи, хиба бымъ не писался „Пань Соха!“ —

Теперь впаль снова пань Соха въ лихій гурморъ тай зачалъ якъ впередь нетерпѣливо по променадѣ прохоживатися.

— На каждый случай — каже онъ послѣ — буду я ще найперше старатися лагодно съ Зенею въ томъ взглядѣ поговорити, може быти, що въ той способъ выбью я ей зъ головы того ей коханого Милья — а якъ то не поможе, то вже я ей дамъ раду въ инный способъ; я скажу и мусить. Бо вжежъ и невозможно, Милья Сиротовского надъ пана Станислава Бѣгоса превозносити: тамтой правда не бридкій хлопонецъ але бѣдолаха отъ маленкости та ледво що недавно того малого дѣдичтва — сельця А. доробился, а пань Бѣгосъ прецѣнь и богатый — и шляхтичь съ дѣда-прадѣда, — а що — вже о якій десятокъ лѣтъ старшій отъ Милья та що му трошки вже и лысина свѣтится, то тое все — гадаю — есть весьма безосновною причиною, чтобы его въ любовной справѣ подряджовати Мильови, прецѣнь пань Бѣгосъ есть шляхтичь а а Милью ничь.

— Отже такъ, такъ — провадилъ дальше пань Соха свою рѣчь въ гадцѣ — въ той способъ буду

я и Зени тую рѣчь представляти . . . може и услухае ще дѣвчина . . . Но, що я кажу? — она мусить услухати; бо то мой — ей опѣкуна плянь того вымагае!

— Щобы лишь мой Антоній, мой Вярусъ, той пріятель мой приѣхаль — озвался послѣ Соха усмѣхаючи — онъ заразъ порадиль бы менѣ, въ якій способъ той цѣлый интересъ мой дальше и наилучше провадити бы можна; бо и правду сказавши, подалъ онъ — бодай здоровъ былъ — основну гадку до того цѣлого мого пляна . . . Обѣцалъ нынѣ приѣхати, та якось его не видко. Но оно ничего не вадить: мой плянь есть теперь, кажется, уже такъ основной, що вже и я самъ, безъ чужой помочи его до конца допровадити зможу . . . вже я въ тыхъ рѣчахъ не ошибуся! —

Не ошибуся — повториль Соха полголовомъ — и выходячи повольно променадою изъ огорода, стремѣль онъ просто къ ганкови, чтобы съ оттамъ на недалекій гостинець подивитися, чи не бде случайно старый его пріятель Вярусъ.

(Л. б.)

ИСТОРИЯ.

Откуда и якъ пошла Русская земля?

(А. Пешрушевского*).

Больше тысячи лѣтъ назадъ Русь уже населялъ народъ, отъ которого мы приходимъ. Народъ тотъ называлъ себе Славянами, и раздѣлялся на нѣсколько племенъ, котры назывались Поляне, Древляне, Сѣверяне, Кривичи, Ляхи или Поляки и другіи. Только одно племя не имѣло окремишого имени и называлось просто Славянами; племя тое сидѣло по берегамъ озера Ильменя и рѣки Волхова, въ нынѣшней Новгородской губерніи.

У Славянъ тихъ былъ городъ Новгородъ, у Кривичей — Смоленскъ, у Полянъ — Кіевъ. Городовъ тогда было немного, и состояли они изъ такихъ же хижинъ, якъ и селенія, только было побольше селеній. Городами назывались такіи села потому, що были огорожены валомъ, ровомъ, тыномъ или засѣкою.

Славяне жили каждый со своимъ родомъ; родъ состоялъ изъ всѣхъ людей, бывшихъ въ родствѣ между собою, и въ близкомъ, и въ дальшомъ. Начальникомъ цѣлого рода былъ князь, т. е. стар-

*) Изъ дѣла: Разказы про старое время на Руси отъ начала Русской земли до Петра Великого. С. Петербургъ 1866, удостоенного комитетомъ Грамотности первой преміи.

шій въ родѣ по рожденію, или по выбору всѣхъ родичей. Роды жили отдѣльно одинъ отъ другого, широко, потому що земли было много. Каждый родъ вѣобще владѣлъ всею землею, на которой сидѣлъ. Если встрѣчалось дѣло, которое касалось до колькохъ родовъ, то устраивались сходки, вѣча, куда собирались родоничальника.

Славяне были нрава доброго и дуже гостепріимны. Выходячи изъ дома, славянинъ не запиралъ дверь и на столѣ оставлялъ розную еду, на случай, если зайдетъ странникъ. У инныхъ не считалось даже безчестьемъ, если бѣдный хозяинъ урадетъ що нибудь для гостя. Съ плѣнными Славяне обходились лагодно и чрезъ нѣсколько лѣтъ пускали ихъ на волю. Но не мало было и зла въ Славянахъ: они любили напиваться безъ мѣры, ходили всегда обмураны, немыты; многіи племена были дуже дикіи, жили по скотски, мѣняли своихъ женъ, держали ихъ по двѣ, по три. Дѣвчата имѣли большую волю, а замужны ниякой: они были рабы своихъ мужей и робили самы тяжкіи работы. За женъ Славяне звычайно платили, давали за нихъ вѣно (якъ тогда говорили); обычай тотъ не совсѣмъ вывелся на Руси и донынѣ: и теперъ во многихъ мѣстахъ ведется, що женихъ даетъ подарки роднымъ невѣсты.

Мало кто изъ Славянскихъ племенъ хоронилъ мертвыхъ въ землю, а больше палили ихъ, собирали пепель и въ посудинахъ ставили на столпѣ при распутью. Такъ коли мертвецы были некрещены, то потомъ завелось повѣрье и живетъ у насъ до сей поры, будто на перекресткахъ собирается нечистая сила. По умершимъ Славяне справляли тризну, т. е. поминки: боролись, скакали и бѣгали на перегонъ; въ знакъ горя рѣзали и дерли собѣ лице. Жили Славяне въ нужденныхъ хатахъ и ставили ихъ далеко одну отъ другой. При хатахъ были и купальни только не въ деревянныхъ срубахъ*, а въ землянкахъ; печей въ купальняхъ не ставили, а нагрѣвались купальни розпеченными камнями. Такъ, коли споры и роздоры были тогда частѣйшіи, спокоя не было ни отъ своихъ, ни отъ чужихъ, то въ хатахъ дѣлали по два и по три выходовъ, чтобы можна были уйти на случай бѣды. Все, що дорожше, Славяне прятали въ землю, оттого въ давны времена многимъ удавалось находить склады.

При такой безпкойной жизни, Славяне однако не лишали землю пусто, а плекали пашню и сѣяли хлѣбъ. Майже всѣ Славяне въ то время справлювали землю, самими лучшими земледѣ-

цами были Поляне; только нѣкоторы дикіи племена, напимѣръ Древляне, не занимались тимъ дѣломъ совсѣмъ, или занимались мало.

Славяне были высоки ростомъ, статны, крѣпки тѣломъ, легко сносили и студень, и зной. Они не любили битися съ воротами открытымъ боемъ, а выбирали мѣстця узки, закрыты. Они хорошо плавали и могли долго держатися подъ водою. Для того они брали въ ротъ выдобенный тростникъ и плавали подъ водою такъ, чтобы конецъ тростника выходилъ выше воды; такъ и дышали. Бились они больше короткими копьями и стрѣлами; стрѣлы часто намазывали сильнымъ ядомъ.

Всѣ Славяне того времени были язычники, идолопоклонники, т. е. молились идоламъ, кумирамъ, и приносили имъ жертвы навѣтъ часомъ людей. Боговъ у нихъ было много, но головнымъ ихъ божествомъ былъ Перунъ, богъ грома и молніи, войны и мира. Солнце такожъ считалось богомъ: его называли Дажь-богъ, такожъ Дидь-Ладо. Дидь — значило дѣдъ, а Ладо — свѣтъ, радость. Люль, Лель такожъ означалъ дѣда. И Дидь — Ласо и Люль Лель до сихъ поръ еще остались въ нашихъ пѣсняхъ:

А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой Дидь, Ладо, сѣяли, сѣяли!
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой Дидь, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!

Около сырого дуба,
Люли, люли, дуба!
Росте чернь, черница,
Люли, люли, черница!
А въ той-то въ черницѣ,
Люли, люли, въ черницѣ!
Черень соболь скаче
Люли, люли, скаче

Солнцу Славяне праздновали нѣсколько разъ въ году. Праздникъ Коляда былъ при конци грудня, коли солнце звергаетъ на весну и дни начинаютъ прибывать. Въ тое время ходили изъ дома въ домъ, славили божество и собирали подарки, чтобы принести богу жертву. Тотъ языческій обрядъ сохранился на Руси во многихъ мѣстцахъ и понынѣ; колядуютъ звычайно въ святой вечеръ передъ Рождествомъ:

По Дунаю, по рѣцѣ,
По бережку, по крутому,
Лежать гусли ненадаженны
Коляда!
Кому гусли налаажувати?
Коляда!

*) Чотыри изъ обтесаныхъ балковъ построены стѣни.

Поляда въ иныхъ мѣстцахъ зовется Авсень или Таусень; такъ спѣвается и въ пѣсняхъ:

Ай въ борѣ, борѣ
Стояла тамъ сосна,
Зелена, кудрява;
Ой Авсень, ой Авсень!

Другіиі праздникъ былъ весенній; его справляютъ и теперь и называютъ Масляницею. Весну звычайно встрѣчали на красной горцѣ и водили хороводы, а зиму палили, здѣлавши для того женское чучело, которое называли Мара или Марана. Чучелу*) теперь не палятъ; вмѣсто того, на саняхъ возятъ наряженного мужика, который сидитъ на колесѣ. Дѣлается тое не безъ причины, хотя и не знаючи для чего: колесо въ старину изображало солнце, солнцу же былъ и праздникъ.

Еще большій праздникъ у Славянъ былъ 23-го Юнія и назывался Купала. Вечеромъ въ той день собирали травы, купались, зажигали костры и скакали черезъ нихъ; приносили въ жертву солнцу бѣлого когута, а чучелу Мары топили въ водѣ. Той праздникъ справляютъ у насъ и понынѣ, только называютъ его не просто Купаломъ, а Ивановъ Купаломъ, потому что онъ приходится на Ивановъ день. Про него суть различны повѣрья; говорятъ, будто деревья въ ту ночь ведутъ про межъ собою бесѣду, будто они проходятся по лѣсѣ, и многое другое. Правды тутъ нѣтъ, а смыслъ есть: видно въ старину такъ думали.

Славяне вѣрили въ будущую жизнь; они думали, что души умершихъ начальнихъ людей и по смерти заботятся о своихъ родичахъ, а потому молились имъ. Молились, на примѣръ, Чуру, или Шуру, что значитъ дѣдъ, прадѣдъ; слово то не забылось у насъ и доселѣ, коли кто боится злыхъ духовъ, то говоритъ: „Чуръ мене“, т. е. зоветь собѣ Шура на защиту, самъ того не знаючи. Чуръ и домовый майже одно и то же; только древны Славяне считали домового за старика доброго и не боялись его.

Славяне думали, что души усопшихъ воскресали всякую весну и бродили по землѣ; за-для того съ весны начинали ихъ поминати, ѣли блины, поминальное кушанье, и вѣрили, что покойники ѣдятъ тутъ же. Та и теперь у насъ многіи вѣрятъ, будто въ святки души умершихъ ходятъ по землѣ; такъ само якъ въ старину ѣдятъ блины; инны поливаютъ могилы виномъ, кладутъ на нихъ для покойниковъ рѣзную снѣдь, загребаютъ кра-

сны яйца. Предки наши вѣрили въ русалки, думали, что они души умершихъ, которы весною выходятъ изъ могилъ на свѣтлое солнце и водятъ хороводы. Въ честь ихъ заводили рѣзны игры, перебиралися, надѣвали маски, личины. Главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ; въ то время дѣлали имъ якъ будто проводы въ могилу. Вѣрятъ въ русалки и до сей поры, и теперь думаютъ, что русалки-души усопшихъ, только не всѣхъ, а младенцевъ некрещеныхъ. Про русалки и теперь рассказуютъ; будто они бѣгаютъ по полямъ и приговариваютъ „бухъ бухъ, соломяный духъ; мене мати породила, некрещену положила“. Въ нѣкоторыхъ мѣстцахъ былъ даже до послѣднаго времени обычай, раскладывать полотенца по деревьяхъ — русалкамъ на сорочки.

Славяне вѣрили въ водяны, лѣсны, духи и считали ихъ за души умершихъ. Вѣрили они также и въ кашея-ядуни (кашея безсмертнаго) и въ треклятую бабу-ягу, въ наговоры, заговоры и гаданья. Всѣ тѣи повѣрья живутъ у насъ и теперь, вмѣстѣ со старинными играми и забавами, хороводами, горѣлками вмѣстѣ съ рѣзными суевѣрїями. Было, на примѣръ, у Славянъ божество, которое называлось Живый. Славяне думали, что живый перемѣняется весною въ зазулю, и потому воспрашивали у зазуль, кому сколько лѣтъ жити. Понынѣ въ живого никто не вѣритъ, и мало кто про него чувалъ, а что года за зазулю такъ згадуютъ.

Отъ якии были наши предки больше тысячи лѣтъ назадъ. Майже всѣ они платили дань, подать, сосѣднимъ иноплеменнымъ народамъ, потому что тѣи были сильнѣйшии ихъ и къ ратному дѣлу больше склонны. Сѣверныи Славяне и сосѣды ихъ Финскіи племена, давали дань Варягамъ, народу, который жилъ за Варяжскимъ (Балтійскимъ) моремъ. Варяги землепашествомъ заниматься не любили, а розгуливали въ легкихъ лодкахъ по морю, та грабили, забираючись иногда въ дальшии стороны. Славянъ они знали давно, потому что добывали у нихъ хлѣбъ и мѣхи, знали ихъ и потому, что чрезъ Славянскую землю лежалъ имъ путь въ Грецію, куды Варяги ходили или на грабежъ, или нанимались въ службу къ Греческимъ императорамъ. Повысмотрѣвши все у Славянъ, Варяги вдругъ явились изъ за моря въ славянскую землю и на Ильменскихъ Славянъ, на Кривичей, та на нѣсколько Финскихъ племенъ наложили дань. Племена стали платити дань, только не долго; годовъ чрезъ два имъ удалось выгнати Варяговъ назадъ за море. Избавившись отъ враговъ, они, однако, не нажили собѣ покоя и мира: родъ восталъ на родъ, пошли неурядица, война, грабежъ. Тогда

*) Пугало, пужало.

Ильменскіи Славяне, Кривичи, та два Финскихъ племень, Вѣсь и Чудь, собрались на вѣче и стали розсуждати, якъ бы завести у себе миръ и порядокъ. Рѣшили поставити князя, который бы владѣлъ ими и судить по праву. А чтобы князь не радѣлъ своему роду больше чѣмъ другимъ, и не развелъ бы прежнихъ смуть и усобиць, вѣче положило: призвати князя чужого, изъ Варяговъ.

Было между Варягами одно небольшое племя, которое называлось Русь; къ тому то племени и отправились послы. Пришедши къ Варягамъ-Руси, послы сказали имъ: земля наша велика и обильна а порядка въ ней нѣтъ; приходѣтъ княжити и владѣти нами." И собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собою всю Русь и въ 862 году прини. Старшій братъ, Рюрикъ, построилъ Ладогу и сѣлъ въ ней; второй братъ, Синеусъ, сѣлъ на Бѣлѣозерѣ, третій Труворъ, въ Изборску. Отъ нихъ — то и прозвалась земля — Русскою.

Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли; Рюрикъ сталъ княжити одинъ и поселился въ Новгородѣ. Въ то время два брата, Варяги, Аскольдъ и Диръ, выпросились у него идти съ родомъ своимъ въ греческую землю. Отправившись внизъ по Днѣпру, они по дорожѣ увидѣли на горѣ городокъ и спросили у жителей: „чій то городъ?" Имъ отвѣчали, що были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ, построили городокъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ теперь дань козаромъ. Козары же были степовой народъ, не Славянского племени. Аскольдъ и Диръ остались въ томъ городѣ (назывался онъ Кіевъ, отъ имени Кія), собрали около себе много Варяговъ и стали владѣти землею Полянъ.

Въ 879 умеръ Рюрикъ, оставивши малолѣтнего сына Игоря; княжити сталъ его родственникъ Олегъ. Собравши войско, пошель онъ по Днѣпру, взявъ на пути нѣсколько городовъ, посадилъ въ нихъ своихъ воеводъ и отправился дальше. Подойшовши къ горамъ Кіевскимъ, онъ узналъ, що въ Кіевѣ княжатъ Аскольдъ и Диръ, люде изъ дружины Рюриковой. Олегъ оставилъ большую часть своей раты назадъ и подплылъ къ Кіеву въ нѣсколькихъ лодкахъ, спрятавши въ нихъ ратныхъ людей. Тутъ онъ послалъ сказати Аскольду и Диру, що ихъ земляки, купцѣ, идутъ въ Грецію и хотятъ съ ними повидѣтися. Якъ только Аскольдъ и Диръ пришли, ратники Олега повискакали на берегъ и кинулись на нихъ; а Олегъ сказалъ: „вы не князья и не княжеского рода, а я рода княжеского и вотъ сынъ Рюриковъ", тутъ онъ показалъ на Игоря. Аскольда и Диру убили и погребали на горѣ, а Олегъ остался въ Кіевѣ и на-

звалъ его: „матерью городамъ Русскимъ." Съ той поры Кіевъ сдѣлался столицею Русской земли.

МАРІЯ.

(Записки лѣкаря.)

(Дальше.)

Марія стала отцеви наливати одну стьянку по другой, и добула зъ него наконецъ признанье, що онъ ей руку формально графови Царскому приобѣщавъ. Пѣсля того зазвонила Марія о свѣтло, поцѣловала въ легонькій сонъ запавшого отца, пошла до своей комнаты и пробула тутъ колька годинъ съ служанкою разговорѣ.

Надѣшла недѣля, а съ нею въ самозъ дѣлъ и графъ Царскій, — хорошій, лишь безъ сердца кавалеръ. Его зимне самоупованье и интересовная увага для Маріи — були для ней такъ отроняючии, що немогла она тое скрыти. Дармо хмарилося око отца; она була рѣвнодушна, слухала съ молчаньемъ презрѣнья бесѣду милого, и отограла роль, которую нарочно на себе взяла, такъ добре, що графъ вертаючи домѣвъ, трохи про неудачу своей визиты засумовався. Отецъ закли-кавши дочку въ комнату, прочитавъ ей хорошій „отче-нашъ." Отъ того часу почалося въ томъ спокѣйномъ дому жестокое правленье. Велика цѣль отца пропала черезъ его доньку, однакъ онъ не отступивъ еще отъ своего намѣренья. Съ подвоеною гречностью продолжавъ онъ сношенья съ графомъ Царскимъ, который правильно мимо видимого презрѣнья Марія — дѣлавъ визиты. Отецъ находився въ постоянной лихоманцѣ, житье его дочки ставалося ему неспособищое. Тысячъ разъ хотѣла она свою любовь къ Роману отцу заявити, и на ужасныи наслѣдки отважитися. Постоянна неперность, и недуга ей матери, лихо подѣйствовали на ее здоровье. Увѣдавши о томъ Романъ, написавъ до неи жаркій листь, чтобы рѣшилася цѣлую тайну отцу высказати.

Слѣдующого дня, заки еще Марія рѣшилася отчаянно открытье здѣлати, вернувъ М* ненадѣйно гдесъ коли 2 зъ полудня зъ склепа домѣвъ. Блѣдый, удався онъ съ адвокатомъ въ комнату своей дочки, и отчинивъ власноручно и насильно ей пультъ. Запѣнившись зъ злости слухавъ онъ адвоката читающего одинъ зъ найнѣжнѣйшихъ листѣвъ Романа до Маріи. Въ томъ является — ничо непредчувствующая Марія. Слѣдуючу сцену описати — се була бы чиста невозможность. Губы старого М* рушались, однакъ его слова притлу-

мила бѣшенность. — Отъ головы до стѣпъ дрожачи, всказавъ онъ на жметъ розпечатаныхъ листѣвъ, що стояли на пультѣ. Она бачила, що все открыто, и упала безмыслно съ крикомъ на землю. Отець бувъ бы ю такъ лежачу лишивъ, однакъ адвокатъ зазвонивъ на слуги, поднесъ ю зъ земли, и отдавъ явившимся служащимъ, щобы отнесли ю до инной комнаты. Панъ Марковичъ, адвокатъ, — мущина достоинъ повного почитанья, розсердився немало, чуючи такіи выходки М* противъ Романа и Маріи.

А такъ выяснилося тое запутаное пытанье, для чого Марія таку холонокровность графу Царскому оказовала. И такъ счезла тая люба надѣя, одружити ихъ. Цѣла вина лежала на одному служащому.

„Се чортъ таке зладивъ” ойкавъ старый, „Бачу, пригадую собѣ! Я самъ тое здѣлавъ — изволивши ему передъ тымъ у мене бувати. Але теперь, теперь должень я тое знова самъ исправити. Лишь съ трудомъ удалось Марковичеву старого успокоити. Несчисленнй були догадки про переписку Романа съ Марією; всѣ слуги домовыи испытовано — дармо; сама покоева Маріи незмогла ничо объ томъ сказати.

На другій день закликали Романа до помещиканья шефа. Непредчувствующи ничо лихого, удався бнз туды коло 12 часа, бо Марія не мала способности, о приключившомся событію его завѣдомити. Въ лиховорожихъ очехъ портіера, котрый ему отворивъ двери, спѣзнавъ бнз, на що тое закруае. М* и Марковичъ ожидали его. „Такъ пане,” почавъ М* въ бѣшенной злести, „ваша подлость выкрылася.” „Подлость, пане М*.” повторивъ Романъ и поблѣдъ.

„Такъ, пане, подлость, проклята подлость! Все выкрылося! А — вы лотре!” закричавъ М* трясучими устами, подносячи пястики на Романа. „Пробѣгъ, пане М*, успокойтеся!” шептавъ адвокатъ, и звернувся съ спокойною строгостью до Романа. „Вы знаете поводъ того розположенья пана М*” Романъ склонився. „Вы бурлаче — вы — вы...” гикавъ М* въ безмѣрной лютости, „вашъ отецъ обвѣсився, пане.”

Лице Романа поблѣдло наразъ снѣжно — высоко отверте око затонилося въ М*. груди сильно поднеслися. Щастье, погадавъ Романъ на Марію. Хвильку смотрѣвъ онъ на адвоката и зауважавъ, що онъ самъ про лютость своего кліента счудовався. Его очи заплыли слезами. Адвокатъ шепнувъ кѣкъба серіозныхъ слѣвъ въ ухо М*. —

„Може сядете пане Романа?” почавъ въ конецъ адвокатъ лагѣдно. Романъ склонився, однакъ

стоявъ дальше — держачи сильно въ лѣвой руцѣ кресаню. „Вы признасте” продолжавъ адвокатъ, що ваше собственное захованье тое необыкновенное волненіе выкликало.”

„Такъ? Вы дерзитесь о замужѣ съ моею донскою думати, га?” загремѣвъ М*, якъ колибъ хотѣвъ вставати. „Про... зѣпсую я вамъ жартъ,” и бездушно упавъ назадъ въ кресло. —

(Д. б.)

ДУМКА.

Мому другуви Н. Б. посвящено.

Чи долго еще намъ тревожить на свѣтъ,
Чи долго намъ тутки въ недоли стогнати?
Коли доведется у щастью прожити
Хоть хвильку одну — коли намъ спочати!

Отъ тагъ-я бывало при мѣсяцъ бѣломъ
Тихенько думаю, на зѣрки дивлюся:
Зачну отъ недоли — скончу на надѣи,
Зотхну зъ разъ тяженьбо, тай сновъ схаменюся:

Заготится мѣсяцъ за хмару на хвильку:
То й я собѣ трошеи тогдѣ спочиваю,
А выгляне мѣсяцъ; я чашу нахилию:
Чи много ше горя у ней — заглядаю.

Великая чаша, а дна невидати:
Богато ше горя намъ треба изжити!
Душе моя бѣдна! — Ягъ долго-жъ намъ ждати
Щасливой доли — коли ей дожити?

Коли ей дожити — мой мѣсяцю бѣлый!
Скажи! може знаешь — съ слезами вздыхаю —
Ты свѣдку моеи недоли единый,
Скажи, най гадками дармо не втомляюся!

Не чуетъ, що кажу — не чуетъ бѣленькій:
Тихенько по хмарахъ высокихъ гуляе —
И зѣрки на небѣ сіяють тихенько, —
Лишь я супокою ни хвильки не маю!

С. Метеля.

М. 11. (23.) Вересня 1866.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Биографическіи извѣстія о знатнѣйшихъ мужахъ славянскихъ, отправившихъ ся на московскую этнографическую выставку.

II.

Францъ-Владиславъ Ригеръ.

Францъ-Владиславъ Ригеръ (не посоль: Ursulon-Ryger) родился 10. Грудня 1820 въ городѣ Семлинѣ на Чешской земли, отъ зажиточного мельника, воспитывался сначала въ Высокомѣ, въ Шумбурзѣ, въ Ичинѣ. Высшіи гимназіяльни класы, окончилъ онъ въ академической гимна-

зін въ Празѣ, послѣ чого поступилъ въ университетъ там же. По оконченію философскихъ занятій, Ригеръ переймоу къ юридическимъ. Еще въ періодъ своего студенчества принималъ онъ участіе въ литературномъ развитіи родного языка. Изъ двухъ литературныхъ партій, классической Чельяковского и романтической Тыля („Ичела“ и Квѣты“) Ригеръ примкнулъ къ послѣдней и на страницахъ „Квѣтовъ“ тогда еще стали появлятися произведенія его юного вдохновенія. Прибывши годъ въ Вѣнѣ и облизившись тамъ со многими товарищами-соплеменниками (Хорватами, Русскими) онъ вернулся снова въ Прагу. Онъ и его ины друзья-патріоты оскорблялись до глубины души всеобщимъ презрѣніемъ къ родной рѣчи; никто не смѣлъ публично говорить по Чешски, не подвергаячи себе опасности личныхъ оскорбленій и насмѣшокъ. Онъ ободрялъ молодежь и безъ того съ трудомъ умѣрлявшую свои народніи чувства, открыти при содѣйствіи Тыля, Пикаля, Шумавского литературны вечера, балы съ характеромъ народныхъ освободивши молодежь хоть на время отъ тягостныхъ узъ моды и предубѣжденія. Тѣи завоеванія стояли Ригеру много борьбы и съ предразсудками общества и съ негодованіемъ полиціи пражской, на челѣ которой стоялъ въ то время свирѣпый ненавистникъ Славянской народности городской гетманъ Муть. По оконченіи четвертого года юридичныхъ наукъ, промованъ былъ въ докторы правъ и вступилъ на службу при уголовномъ судѣ (Criminal-gericht), но вскорѣ неосновательно подозрѣнный въ сношеніяхъ съ однимъ Полюкомъ, компромитованнымъ въ очахъ правительства, былъ подверженъ слѣдствию и арешту (1842). Оправданный, онъ навсегда оставилъ государственную службу и предался безроздѣльно народному дѣлу. Продолжаячи дѣйствовать въ прежнемъ направленіи, онъ старался объ основаніи народныхъ библіотекъ, читаленъ, клубовъ, где бы якъ Чешская, такъ и Инославянская молодежь, живущая въ Празѣ, могла воспытывать свое народное чувство чтеніемъ журналовъ, газетъ и художественныхъ произведеній родного слова. Усилія Ригера въ томъ направленіи увѣнчались въ 1846 г. составленіемъ комитета о народномъ театрѣ. Здѣсь въ первый разъ сошлись на одной мысли представители и аристократіи и именитого гражданства и литераторовъ. Предсѣдалъ гр. Матвій Тунъ; вель протоколъ по-Чешски секретарь комитета Ригеръ. Съ тѣхъ шоръ Ригеръ не оставялъ своимъ усердіемъ и заботами народного театра. Къ тому же времени относятся заботы Ригера въ основаніи промышленного общества со школою; но намѣренная медлительность правительства отсрочила исполненіе его проекта до 1848 г. Въ 1847 г. розстроеное здоровье заставило Ригера предприняти путешествіе въ Италию. Въ Римѣ и Неаполѣ Ригеръ былъ свѣдѣтелемъ первыхъ движеній революціи. Дальное путешествіе Ригера было приостановлено извѣстиями о мартовскомъ движеніи въ Празѣ и Вѣнѣ. Онъ посѣдшилъ въ Прагу встрѣтитися съ Чешскою депутаціею уже въ Вѣнѣ ходатайствовавшою у министра Пиллерсдорфа объ автономическихъ учрежденіяхъ. Тутъ началъ Ригеръ свою политическую дѣятельность, которую нешибно продолжаетъ и доселѣ. Участвуячи въ Вѣнскихъ конференціяхъ, онъ въ тоже время возбуждалъ прокламаціями въ Моравіи чувство единенія съ Чехами. Въ созванномъ въ тѣи дни Славянскомъ съѣздѣ въ Празѣ, Ригеръ былъ дѣятельнѣйшимъ противникомъ Франкфуртскихъ стремленій и защитникомъ политической автономіи короны Чешской. Въ Инспрукскомъ сеймѣ, Ригеръ, наряду съ гр. Ностицемъ былъ представителемъ стремленій Чешской націи, и къ тому времени относится его лучшіи политическіи мемуары объ и-

сторическомъ правѣ Чехіи и пр. Повернувши въ Прагу, Ригеръ много способствовалъ ей успокоенію, хотя и не удалось ему своимъ посредничествомъ отклонити отъ ней мстительность къ Виндишгреца. Межи тѣмъ въ Вѣнѣ партія демократовъ всеми силами старалась подозрѣвати въ очахъ народа убѣжденія Палацкого и Ригера, розсвѣваючи о нихъ клеветы, яко о союзникахъ аристократіи и духовенства. Мадьяры еще сильнѣйше и подкупками и ложью старались уронити ихъ, предвидя въ нихъ опасныхъ противниковъ. Ихъ опасенія оправдались: дважды удалось пламенному краснорѣчью Ригера нанести существенный вредъ стремленіямъ Мадьяръ. Одною рѣчью, покрытою громкимъ одобреніемъ съ одной стороны а озлобленнымъ свистомъ съ другой, ему удалось настояти на томъ, що Мадьярская депутація не была допущена на сеймъ; другою онъ вынудилъ правительство послати баяу Елачичу помощь войскомъ и грошми для успѣшного дѣйствія противъ Мадьярскихъ инсургентовъ. Заслуги тѣи Ригера передъ правительствомъ были дурно награждены. Якъ извѣстно, реакція всего больше отозвалась на Чехіи и Чехахъ. Въ 1853 г. Ригеръ женился съ единственною дочерію Палацкого Маріею. Такимъ способомъ родны по духу, по убѣжденіямъ и талантамъ двавжды Чеховъ породились межи собою вышнимъ образомъ. Тоже непереставалъ онъ съ самого 1849 г. представляти интересы своего родного города Семия и другого Желѣзнаго-Брода конечно при тѣхъ случаяхъ, когда австрійскому правительству приходило на мысль собирать народныхъ представителей. Въ годы политического затишія Ригеръ предпринималъ неоднократно путешествія въ Италию, Францію, Бельгію, Англію съ цѣлями научными. Плодомъ ихъ были сочиненія по народному хозяйству: О значеніи нематеріального труда въ народномъ хозяйствѣ (1850), отношеніе промышленности къ благосостоянію рабочего класса (1860) и пр. Въ 1860 г. онъ принялъ на себе редакцію Чешской энциклопедіи „Slovník Naučný“. До настоящего времени вышло 6 томовъ того изданія. Оно пока остановилось на буквѣ R. Съ оживленіемъ конституційной жизни Австрій съ 1860 г. Ригеръ снова вступилъ на поприще политической дѣятельности. Якъ въ имперской думѣ такъ и въ земскомъ сеймѣ Пражскомъ онъ неослабно проводилъ всеми силами своего высокого ораторского дарованія, мысли о необходимости самоуправленія въ отдѣльныхъ политическихъ единицахъ Австрій, о свободѣ слова и честномъ отношеніи къ праву и исторіи. Послѣдними политическими успѣхами Ригера можно назвати рѣчь о равноправности языковъ Чешского и Нѣмецкого въ Пражскомъ университетѣ на сеймѣ 1865—1866 г. и заключительную рѣчь 1867 года, о которой было современно извѣщено въ газетахъ. Еще недавно (въ 1867 г.) Ригеръ издалъ брошюры: королевство Богемское и Австрія на французскомъ языкѣ. Біографіи Ригера не мало: въ Празѣ вышла цѣлая толстая книга описывающая жизнь и дѣятельность чешского патріота. Дрѣ Ригеръ имѣтъ значительніи помѣстья въ Чехіи — ему принадлежатъ урочища Малечъ и Модлитинъ.

II.

Янъ Палацкій.

Янъ Палацкій сынъ Франца (I.) родился въ 1830 г. Онъ нынѣ преподаетъ сравнительную географію въ Пражскомъ университетѣ. Ученая дѣятельность его относится преимущественно къ метеорологіи и ботанической географіи.

СВѢДѢНІЯ БИБЛЮГРАФИЧЕСКІИ.

Начеркъ Географіи и Исторіи стародавнего, середного и нового свѣта для школъ низшихъ гимназіальныхъ поды исторіи Вильгельма Пица переведенъ Василиемъ Ильницкимъ, директоромъ гимназіи Тарнопольской; 3 части. Львовъ 1866 и 1867 г. 3ъ печатнѣ Ставропигійского Института. Цѣна 1 зр. 50 кр. ав. — Весьма примѣчательное явленіе въ литературномъ движеніи Галицкой Руси, хоть яко непосредственный переводъ! Якъ извѣстно у насъ въ первый разъ является всемірна исторія на Русскомъ языкѣ. Кто только знаетъ и внималъ нашему положенію и соотношенію, хорошо пойметъ туя застою. Г. Ильницкому удалось за помощью редакціи „Слова,“ которая по части иждивеніе на себе пріяда, все препятствія пребрати. — Ч. I. содержитъ старинный свѣтъ. Ч. II. середный вѣкъ и о, столько любопытна, що въ ней являются (на 6 листахъ -- у Пица несполна 2). Славянскіи племена, выступившіи самостоятельно на поприще дѣяній якъ именно: Славяне Полабскіи, Болгаре-Славяне, Сербы и Хорваты, Моравцы, Чехи, Польша и Русь ажъ до совершенного ихъ порабоженія Нзицами и Турками кромѣ 2. послѣднихъ. Въ правдѣ коротко, но ясно и переглядно. Жалко, що авторъ пространнѣйше не росписался тѣмъ больше, коли у насъ въ томъ предметъ мало шо доступно, а на Русскомъ языкѣ у насъ исторіи Славянскихъ племенъ еще во все нѣтъ. Исторіи Руси касается авторъ обширнѣйше. Съ роздѣленіемъ великой державы Русской по смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) межи его сыновьевъ, съ общимъ правленіемъ въ родѣ старшого и водвореніемъ межиусобиць ажъ до погромовъ Татарскихъ распадается соединена Русь на многіи части, которы въ слѣдствіе выробившихся въ нихъ элементовъ различныхъ, послѣ автора, въ 3 группы соединитись дадутъ: 1) Русь Сѣверную (Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ и пр.) съ перемагающимъ горожаньско-республиканьскимъ элементомъ, 2) Русь Южную съ преобладающимъ аристократическимъ, боярскимъ, 3) Русь Заднѣпрскую (Московску), гдѣ завлядлѣлъ монархическій принципъ, по силѣ которого Русь снова уцѣлѣла и „отъ-теперь безъ перепонъ чѣмъ разъ дальше ажъ до нынѣшнихъ великаньскихъ розмѣровъ розширяеться!“ Такожъ въ осмотрѣ образованности въ вѣкахъ середныхъ“ вспоминается хотя побѣжно и коротко о культурѣ Славянской особенно Русской, такъ н. пр. при „Законодательствѣ“ о Русской Правдѣ,

о Русской литературѣ, рѣзвъ и пр. Ч. III., новый вѣкъ. Изъ Славянскихъ племенъ трактуются самостоятельно еще Польша и Русь. Исторія выложена пространнѣйше, чѣмъ въ Ч. II. Последняя борьба Польши съ Россією вѣрно и живо очертана. „Упадокъ Польши бувъ и вѣяко карою отъ Провидѣнія збславною за нерадѣніе, безправіе и тиранство можновладцевъ. Отъ того часу починае особливо Галицкая Русь поволи двигатись отъ своего глубокого физичного и морального пониженія!“ говорится тамъ. Въ „переглядъ розвою культуры“ вспоминае авторъ и о Уніи на Руси. „Уніаты задержали весь свой давнѣйшій обрядъ (?) и обѣтовали только: а) уважати папу Римского яко голову церкви, б) вѣрити, шо Духъ св. отъ Отца и Сына походитъ, в) отличати шо есть особное мѣстце, назначене для чистилища и особное для пекла. Найпознѣйше пріяли унію Галицкіи Русины (1677 г.) а еще познѣйше Львовска Ставропигія (на початку 18 в.) Латинники уважали унію лишъ яко переходовое зближеніе обряду греч. до латинского (?) а Поляки выдѣли въ томъ одно средство до полонизаціи“ стоить тамже. Переходя о монашескихъ чинахъ вспоминаетъ авторъ и о чинѣ св. Василія Великого на Червонной Руси, гдѣ ему вытѣснулась о монастырь въ Бучачу глубоко чувствуемая правда „шо сей то чинъ колисъ то славный учеными мужами упадае очевидно зъ дня на день.“ Дуже мелко и майже нишо не начертано въ сей части о русской литературѣ, искусствѣ и торговлѣ. При всѣхъ сихъ и иныхъ недостаткахъ есть однакъ переводная исторія г. Ильницкого цѣннымъ трудомъ такъ для читающей публики якъ и учающей молодежи. Языкъ есть весьма спопуляризованъ, — розуметься о сколько тое г. директору въ такомъ серіозномъ предметѣ, якъ всемірна Исторія, учинити удалось. Въ томъ взглядъ кажется намъ, есть употребленіе сего учебника въ Русскихъ пансіонахъ и при домашномъ воспитиваніи дѣтей особенно женского пола, майже необходимымъ.

ПЕРЕПИСКА.

Бл. Г. Іоаннъ Нос. въ Перемышляхъ: Выслали. Рекламціи не подпадають франко. Марія зъ С. въ Краковѣ: Объявѣтъ Ваше имя и чинъ, мы отпишемъ. До насъ адресуется отъ нынѣ подъ Ч. 145 м. Δ въ Суботу письмо. Ва. Г. Ор. Ав. въ М.: Еще разъ — шо чувати?

БОЯНЪ выходитъ каждого 1., 8., 15., и 22. великимъ листомъ. — Пренумерата: на годъ: 5 зол. А. В., на пѣтъ года: 2 зол. 50 кр., на четверть года: 1 зол. 40 кр. — Гроши передил. адресуется до пчт. Редакціи Слова, ч. 144 м. — Матеріалы присылаются п. адресою: Левъ И. Михалевиць ч. 463 $\frac{3}{4}$.